

12-я строфа элегии Вяземского резко нарушает стройность композиции стихотворения: во второй части элегии, посвященной «покою и воле», состоянию надежному и спасательному, противопоставленному счастью обманувшему, предательской «неверности лстивых благ», волнению и «губительным страстям», тема «уныния» прерывается, Поэту нелегко расставаться с мечтой о счастье, каким оно прежде виделось, и он невольно оглядывается на прошлое. Воспоминания возвращают к мысли о славе, но теперь уже славе поэта-борца: прежние два понятия — слава литературная и слава политическая — слились воедино:

Сокровищницу бытия
Я истощил в одном незрелом ощущеньи,
Небес изящное наследство прожил я
В неполном шумном наслажденьи.
Наследство благ земных холодным оком зрю.

«Небес изящному наследству» противопоставлено «наследство благ земных».

Равнодушен поэт к этим «благам земным». Успех у «толпы презрительной» для него «цель низких упований». Так на первый взгляд может быть понята 13-я строфа, но присмотримся к ней внимательнее. «Толпа презрительная» — сама соперник на «поприще позорных состязаний» и «успех» «в бою» с этим соперником (толпой презрительной) не приносит чести. Здесь нет места теме «поэт и непосвященная толпа», как это может показаться, здесь разговор о «толпе» поэтов, чьи произведения созданы «корыстною рукой».

Истинным поэтом Вяземский считает того, чье творчество бескорыстно и свободно, не для славы стремится к цели — «мете высшей самих венков лавровых». Не желая быть «соперником» «толпы презрительной» продажных писак, поэт и бой с ней называет «поприщем позорных состязаний».

Метафора «состязание литературных противников — кулачный бой», очевидно, вспомнилась Пушкину, когда он «бранил» Вяземского за «Послание к М. Т. Каченовскому»: «...Как мог ты сойти в арену с этим хилым кулачным бойцом — ты сбил его с ног, но он облил бесславный твой венок кровью, желчью и сивухой; как с ним связываться — довольно с него легкого хлыста, а не сатирической твоей палицы» (XIII, 34).

Мечта о поприще поэта-борца не оставляет Вяземского. Он вновь и вновь пересылает из Польши на родину вольнолюбивые стихи и дерзкие эпиграммы с просьбой к Тургеневу напечатать их или, если напечатать невозможно, распространить в списках. Вяземский хотел, чтоб его стихи будили недовольство, сопротивление. Об этом, о несбывшемся поприще поэта-борца, следующие строфы «Уныния»:

В победе чести нет, когда бесчестен бой,
Раскройте новый круг, бойцов сзовите новых,
Пусть лавр, не тронутый корыстною рукой,
Пусть мета высшая самих венков лавровых
Усердью чистому явит достойный дар!
И честолюбие, источник дел высоких,
Когда не возмущен грозой страстей жестоких,
Вновь пламенной струей прольет по мне свой жар.

Но будто опомнившись, поэт восклицает:

Но скройся от меня с коварным обольщеньем
Надежд несбыточных испытанный обман!
Пошто тревожишь ум бесплодным сожаленьем
И ражигаешь ты тоску заснувших ран?

и возвращается к унынию-счастью, «покою и воле», «единому другу обманутой души».